

Наталья Колягина: «В России существует большая проблема – как говорить об этом событии»

Вначале я хотела бы пояснить, почему человек из «Мемориала» рассказывает о восприятии темы падения Берлинской стены. В последние годы мы довольно много обращаем внимание на то, как происходит формирование образов прошлого у разных групп населения. Коллективные представления о прошлом – это то, о чем я сегодня буду говорить.

Для такого краткого анализа о том, что значит Берлинская стена для нас сегодня, я выбрала пять последних лет на нашем телевидении. Потому что телевидение – это машина по производству образов и смыслов. Ясно, что мы не можем недооценивать значение, которое эта машина имеет для общества. Может быть, несколько лет назад еще были иллюзии о том, что телевизор не смотрят, но последние события и например, восприятие текущего конфликта на Украине показывают, что все-таки телевизор смотрят и очень внимательно.

Создается впечатление, что события, связанные с юбилеем Берлинской стены, были более востребованы, более артикулированы и более широко представлены лет пять назад. Тогда была большая выставка в Манеже, состоялись две выставки в Петербурге. Журнал «Иностранная литература» выпустил целый номер, посвященный этому событию. Детские издательства включились и выпустили ряд книжек для детей, посвященных осмыслению истории Стены.

О телевидении. Пять лет назад осень на телеканале «Культура» был показан ряд интересных документальных фильмов, велись репортажи о проходящих выставках. В этом году на «Культуре» промелькнул сюжет об открытии выставке в Берлине. И до сих пор ничего больше не прозвучало.

Я просмотрела сетку вещания на центральных каналах. Это «Россия-1», «Культура», НТВ. Один сюжет промелькнул в новостном сюжете телеканала НТВ. При этом контекст – война на Украине как апокалипсис, как кошмар. Но вот на четыре минуты происходит переключение внимания - мы просто проваливаемся в совсем другую реальность. И корреспондент, который находится в Лейпциге, рассказывает о том, как празднуют 25-летие лейпцигских событий. Он переключается на язык общеевропейской системы ценностей и говорит о свободе, о том, что эта свобода не дана народу свыше, он должен ее взять и заслужить. Корреспондент рассказывает о диссидентах, которые участвовали в волнениях 89-го года, и переводит этот рассказ на язык, понятный для российского телезрителя, называя диссидентов участниками несанкционированного митинга, и т.д. Мне кажется, это стоит отметить.

В целом, мне кажется, такое переключение на рассказ о падении Берлинской стены с европейских позиций связано с тем, что в медийном языке существует большая проблема концептуализации и проблема – как говорить об этом событии.

Обратимся к фильмам, которые выходили за последние пять лет... Я постараюсь определить способы представления того, чем является Берлинская стена. Зададим вопрос: если не говорить об этом событии в европейском ключе, то как можно о нем говорить. Например, один из немногочисленных примеров (на самом деле, можно перечислить по пальцам, сколько всего у нас выходило специальных документальных фильмов об этом событии). - фильм Радика Кудоярова. Он был показан в 2009 году на канале «Россия-1». В этом фильме важно несколько идей, с которыми автор, продюсер этого фильма связывает само событие.

Во-первых, в фильме говорится, что падение Стены было полной неожиданностью. Автор перекладывает ответственность за это событие только на одного человека – на Михаила Сергеевича Горбачева. И говорит, что немецкие политики ему

полностью доверяли. Если бы не такие политические обстоятельства, то, конечно же, ГДР еще долго-долго просуществовала. Кроме того, Горбачев, как говорит Кудояров, чинил препятствия в налаживании отношений между ГДР и ФРГ, между ГДР и Китаем, и это сильно тормозило развитие ГДР.

Важно, что в фильм Кудоярова, не выступают не историки, политологи и т.д., а политики и журналисты, которым делегируется роль свидетеля. То есть не подвергается сомнению то, что говорят приглашенные люди, у которых автор берет интервью. Трансляция их точек зрения часто даже заменяет собой авторский текст. И, таким образом, например, одним из главных экспертов в фильме выступает Эгон Кренц (в 1989г - генеральный секретарь Социалистической единой партии Германии, председатель Государственного совета ГДР – Ред.), а его точка зрения становится доминирующей в фильме.

Например, Кренц говорит, во-первых, что возведение Берлинской стены было вынужденной мерой - конечно, в фильме нет вопроса об ответственности СССР и в целом о политике СССР в отношении восточного блока. Транслируется точка зрения, что Стену возводили исключительно как ответную меру - в противостоянии угрозе Запада.

Кренц: «До возведения Стены только социалистические страны признавали ГДР. После возведения Стены стало понятно, что существует два немецких государства, и ГДР признали более 130 стран. Строительство Стены сейчас рассматривается совсем неправильно - только в том аспекте, что люди с Востока не могли переехать на Запад. Возведение Стены и проведение границы имели стабилизирующую функцию в Европе. И это сыграло роль на конференции по безопасности в Хельсинки в 1975 году».

Другая идея фильма: последствия крушения Стены ужасны и катастрофичны. Это распад Советского Союза, продвижение НАТО на Восток, вывод советских войск из Германии.

В фильме есть конспирологическая линия, и он заканчивается следующим замечанием: на самом деле «объективная картина не может быть нам известна, потому что архивы США в отличие (я цитирую) от архивов ГДР и Советского Союза, которые были рассекречены, позволят судить об истинной природе вещей и о действиях с этой стороны». Архивы США и ФРГ засекречены. Поэтому, конечно, суд истории поставит свою точку в этом вопросе, почему Стена разрушилась.

Аналогичные представления воспроизводятся и в других фильмах - например, в пятисерийном фильме Киселева, который посвящен распаду Советского Союза «Крушение СССР».

Можно сделать вывод, что сейчас в России говорить о Берлинской стене публично довольно сложно. По сути, есть два варианта: либо присоединиться к либеральному взгляду на историю - тогда мы говорим об ответственности СССР, говорим о последствиях, которые имело разделение Германии для индивидуальных судеб людей. В этом случае мы говорим о падении Берлинской стены как о символе свободы новой Германии, новой Европы и нового мира. Либо в духе ностальгии по СССР приходится придумывать, почему это событие плохо. Например, писатель Проханов, часто выступающий на центральных каналах российского телевидения, утверждает, что нельзя радоваться воссоединению немецкой нации. Потому что немецкий народ, который себя однажды уже «показал», и он еще себя «покажет». С этой позиции, разрушение Стены было чудовищной ошибкой.

На телевидении вынуждены выбирать один из этих двух крайних, противостоящих друг другу дискурсов. А по сути говорить сложно. И поэтому Берлинская стена - тот символ, о котором чрезвычайно редко говорят на российском телевидении. Вместо того, чтобы формулировать смыслы, важные для современного российского зрителя,

продюсеры телевизионных программ предпочитают игнорировать это событие и как можно меньше о нем упоминать.

Ольга Здравомыслова

Хотела бы добавить, что опросы общественного мнения, которые проводились, когда было 20-летие Берлинской стены, показали, что российское население, тем не менее, считало (во всяком случае пять лет назад это было так) падение Берлинской стены одним из самых важных исторических событий. Но есть одна деталь, на которую я хотела бы обратить внимание: примерно, 60 процентов граждан считали, что это событие - важное для Европы, что оно не настолько повлияло на ситуацию в России, при этом 40 процентов пять лет назад считали, что падение Берлинской стены оказало большое влияние и на Россию. Здесь проходит водораздел, и мое предположение состоит в том, что чем дальше идет время, тем больше именно российские граждане и особенно молодые российские граждане начинают понимать, что это событие повлияло на жизнь нашей страны. Потому что стал единый мир. А по телевизору – к сожалению, у нас теперь много странного показывают...

Хотелось бы, чтобы в нашу дискуссию включился Анатолий Леонидович Адамишин. Сейчас он посол в отставке, но в те времена Анатолий Леонидович был заместителем Министра иностранных дел СССР. И, конечно, очень важно, чтобы его позиция прозвучала в нашем разговоре.

Анатолий Адамишин: Одиозность Берлинской стены была в том, что она запрещала выходить.

Впервые, когда я говорю публично перед аудиторией и чувствую себя немного камикадзе. Хочу вам сказать, что за 41 год моей дипломатической службы годы перестройки были единственным периодом, когда не было разрыва между тем, что ты делал, и между тем, во что ты верил. Один древний мудрец сказал: для полного счастья человеку нужна славная Родина. В эти годы я (думаю, что не только я) чувствовал, что у меня за спиной славная Родина.

Чтобы снять патетику, я хочу привести одну цитату: «Из того факта, что мины, подведенные под стены Казани, взорвались, а порох не был разворован, историки делают вывод, что инженерами в армии Ивана IV были немцы».

Теперь о Стене. Одиозность Берлинской стены была в том, что она запрещала выходить. Стены, которые строятся для того, чтобы внутрь не проникали, - это еще куда не шло. А одиозность Берлинской стены была именно в том, что запрещали своим выходить.

Несколько замечаний в связи с сегодняшней ситуацией.

Такое впечатление, что сейчас виртуально воздвигается стена: то ли Эболу не пустить, то ли санкции предотвратить и т.д. Мне кажется, это тревожное ощущение, связанное с нынешним временем.

Для некоторых слоев населения стало общим местом, что Горбачев все отдал: Горбачев отдал ГДР, Восточную Европу и т.д. Но кроме всей прочей фактологии я обратил бы внимание: если мир после окончания холодной войны настраивается на сотрудничество, то Горбачев сделал все правильно: он прекратил конфронтацию вплоть до того, что нормализовал отношения с Китаем и Израилем.

Страна была подготовлена к мирному развитию. И какое-то время она шла по этому пути, развивая мирное сотрудничество, прежде всего, с Западом. Но если, напротив, делать ставку на конфронтацию, тогда, конечно, Горбачеву можно было бы предъявить какие-то претензии.

И, наконец, вопрос, который мне представляется острым: правильно ли мы сделали, что забрали Крым? Я думаю, что этот вопрос будет проясняться через десятилетия. Во всяком случае, сейчас предстоит десятилетие трудное, поскольку мы восстановили против себя Украину, поссорились с определенными кругами на Западе, потеряли его доверие. А, кстати, доверие это означает и долгосрочные инвестиции. А у себя - вызвали то, что я бы назвал «неистовый патриотизм».

Недавно я разговаривал с одним умным поляком. И он мне неожиданно, когда мы всю эту тему обсуждали, сказал: а ты знаешь, что украинцам Крым не нужен. Я спрашиваю: как так, Крым не нужен? – Ответ: А когда государство сравнительно небольшое, то его население старается быть этнически как можно более однообразным.

Я не знаю, прав он или нет, но этот аргумент тоже надо принять во внимание.

Последнее. Это сегодняшней кризис. Говорят, что в памятке израильскому солдату первым пунктом стоит: категорически запрещается давать советы генералу. Так вот чтобы не давать советы, я хотел бы предложить все-таки несколько соображений насчет того, что нам делать в настоящее время, в том числе нам, кто занимается политологией и т.д.

Я думаю, что реально было бы вести дело к тому, чтобы из нынешнего кризиса мы вышли в новом состоянии, в том числе, - в новом состоянии международных отношений. Складываются новые реалии в этом мире. И поэтому сейчас, мне кажется, нужно как можно больше встречаться с представителями разных стран, чтобы видеть и понимать эти реалии. На нынешнем этапе мы вряд ли что-нибудь сделаем. Но нужно строить конструкцию, новую конструкцию отношений России и Запада. Потому что та конструкция, которая была принята после окончания холодной войны – «мы будем брать все, а Россия перебьется» - себя полностью исчерпала. «Партнерство без участия» - так они это называли – «партнерство с Россией будет, а участия России не будет».

Эта стратегия исчерпана. Сейчас надо начинать разработку структур для будущего – это задача для ученых, общественных деятелей, политиков.